
НАУКА
И ОБЩЕСТВО

РОССИЙСКО-КИТАЙСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК КОНКУРЕНТНОЕ ПАРТНЁРСТВО

© 2020 г. С. В. Рязанцев^{1,3,*}, С. М. Шахрай^{2,3,**}, А. А. Яник^{3,***}, С. М. Попова^{3,****}

¹ *Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия*

² *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

³ *Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия*

**E-mail: riazan@mail.ru*

***E-mail: s9895929@yandex.ru*

****E-mail: aa.yanick@yandex.ru*

*****E-mail: sv-2002-1@yandex.ru*

Поступила в редакцию 11.08.2019 г.
Поступила после доработки 02.10.2019 г.
Принята к публикации 13.11.2019 г.

В статье рассматриваются тенденции и особенности российско-китайской академической мобильности как сложного явления, влияние которого выходит далеко за рамки собственно двусторонних отношений в сфере высшего образования. Показано, что сложившаяся целевая модель развития российско-китайской академической мобильности, основанная на количественных показателях, не учитывает содержательной специфики процесса и недостаточно гармонизирована с решением других, не менее важных задач, связанных с проведением интересов Российской Федерации на международной арене и достижением целей национального развития нашей страны. Особое внимание уделяется сложным причинно-следственным связям и многоуровневым эффектам, сопровождающим процессы функционирования российско-китайских отношений в исследуемой предметной области. Модель конкурентного партнёрства, предлагаемая авторами для описания взаимодействия двух стран, представляется перспективной как для концептуализации всего многообразия процессов и разнонаправленных эффектов российско-китайского сотрудничества в сфере высшего образования, так и в качестве теоретической основы для создания эффективной целевой модели и совершенствования гуманитарного измерения сотрудничества России с КНР.

Ключевые слова: академическая мобильность, экспорт образования, глобальный рынок образовательных услуг, российско-китайское сотрудничество, международные отношения, целевая модель, конкурентное партнёрство.

DOI: 10.31857/S0869587320010120

Развитие сотрудничества России с Китаем в сфере высшего образования в целом и академической мобильности в частности — сложный много-

мерный процесс, эффективное управление которым требует наличия ясных целей, систематического мониторинга и надёжных показателей, позволяющих утверждать, что тактические успехи не обернутся стратегическими неудачами. В этом контексте важной теоретической и практической задачей оказывается концептуализация обширного междисциплинарного массива данных о российско-китайской академической мобильности и разнообразных эффектах взаимодействия двух стран на высококонкурентном глобальном рынке образовательных услуг в условиях быстро меняющегося мира. Актуальность данной задачи связана с наличием разного рода объек-

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич — член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО (У) МИД России, директор ИСПИ ФНИСЦ РАН. ШАХРАЙ Сергей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, проректор МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Центра правового обеспечения социально-политических процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН. ЯНИК Андрей Александрович — кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН. ПОПОВА Светлана Михайловна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

тивных факторов, начиная с необходимости достижения целевых показателей приоритетного проекта “Развитие экспортного потенциала российской системы образования”, реализации решений по углублению гуманитарного направления российско-китайского сотрудничества, повышения эффективности российской миграционной политики и заканчивая текущим переформатированием системы международных отношений и существующего миропорядка.

Академическая мобильность — одна из ярких характеристик современного мира и важный индикатор глобальных миграционных процессов. Если в 1990 г. в мире насчитывалось около 1.9 млн студентов, обучавшихся за рубежом, то в 2011 г. их число удвоилось, а в 2016 г. (последние доступные данные по состоянию на 2019 г.) составило почти 4.9 млн человек. Как свидетельствуют результаты международных мониторинговых исследований, по итогам 2017 г. за пределами своих стран обучались 5.1 млн студентов [1]. При этом общий объём глобального рынка образовательных услуг (включая услуги начального, среднего и непрерывного образования) устойчиво растёт со среднегодовыми темпами около 7–8% и, по оценкам экспертов, достигает 1.9 трлн долл. США, что превышает рынок экспорта услуг здравоохранения.

Феномен академической мобильности может быть рассмотрен в самых разных проекциях, поскольку связан как с вопросами интернационализации образования и экспорта образовательных услуг, различными аспектами внешней политики, международного сотрудничества, миграции и туризма, так и с сюжетами политического влияния, кросскультурных контактов, трансграничного циркулирования знаний, формирования позитивного образа образовательных дестинаций¹ и многими другими направлениями. Поэтому неудивительно, что проблематика, имеющая отношение к исследованию различных аспектов академической мобильности в целом и российско-китайских образовательных связей в частности, активно развивается в предметном поле общественных наук [2–10].

Специализированные исследования позволяют обеспечить необходимую глубину и детальность анализа различных сторон российско-китайской академической мобильности. Однако, как представляется, для более полного осмысления и объёмного видения особенностей этого

многомерного феномена, а также надёжного прогнозирования эффектов его функционирования в глобальном и национальном контексте необходим трансдисциплинарный подход. Данный подход позволит оценивать, например, каким образом решения, принятые в парадигме экономической эффективности, могут сказаться на состоянии культурных или внешнеполитических отношений, а выполнение локальных задач — повлиять на трансформацию долгосрочных стратегий.

Россия и Китай на глобальном рынке образовательных услуг. В 2018 г. количество иностранцев, обучающихся в России, составило более 313 тыс. человек (5.7% от суммарного числа всех российских студентов), в КНР — более 506.4 тыс. (1.1% от суммарного числа всех китайских студентов) [11]. Ежегодные темпы роста численности иностранных студентов достигают, по разным данным, 4.7–9.0% в нашей стране и 10.5–11.4% — в КНР [12–14]. Занимая 6% и 10% общего объёма международного рынка высшего образования, Россия и Китай² нацелены на дальнейшее расширение экспорта образовательных услуг. Так, согласно показателям приоритетного проекта “Развитие экспортного потенциала российской системы образования”, количество иностранных студентов, обучающихся по очным программам в российских организациях среднего профессионального и высшего образования должно вырасти с 240 тыс. человек в 2018 г. до 310 тыс. к 2020 г. (рост в 1.3 раза) и до 710 тыс. к 2025 г. (рост в 3 раза). При этом объём внебюджетных средств, полученных от экспорта российского образования, планируется увеличить к 2025 г. почти в 4 раза — с 96.2 до 373.2 млрд руб. [15].

С тех пор как Китай ещё в середине 1980-х годов официально признал концепцию взаимной зависимости экономического роста и образования [16], в образовательной системе страны происходят масштабные перемены, темпы которых постоянно растут. Только за период 2007–2017 гг. общее количество университетов в КНР увеличилось на 38% — с 1908 в 2007 г. до 2631 в 2017 г., а число китайских студентов, выезжающих учиться за рубеж, за тот же период выросло почти в 2.3 раза — с 195.5 до 442.8 тыс. человек. По мере того как КНР становится одним из главных заказчиков на международном рынке образовательных услуг, формируется встречное движение, когда учреждения высшего образования других стран, прежде всего ведущие иностранные университеты (в том числе российские), стремятся распространить свою деятельность и влияние на материковый Китай. Несмотря на декларируемую от-

¹ Образовательная дестинация (по аналогии с “туристской дестинацией”) — географическое место (страна, регион, территориальный комплекс), привлекающее иностранных студентов благодаря наличию благоприятных условий (ценные образовательные продукты, удобная инфраструктура, комфортная правовая и информационная среда, эффективный менеджмент и логистика и пр.) для удовлетворения их основных потребностей в получении высшего образования.

² КНР удерживает 3-е место в мире по доле на глобальном рынке образовательных услуг — после США (24%) и Великобритании (11%).

Таблица 1. Совместные с зарубежными партнёрами китайские университеты (партнёрства), расположенные на территории КНР

Название	Начало работы, год	Местонахождение (город, провинция)	Языки преподавания	Стоимость обучения, долл. США в год*	Стоимость проживания, долл. США в месяц*
University of Nottingham Ningbo China	2004	Ningbo, Zhejiang	английский	13 200	298
Beijing Normal University – Hong Kong Baptist University United International College	2005	Zhuhai, Guangdong	английский	11 940	446–746
Xi'an Jiaotong–Liverpool University	2006	Sin Zhou, Jiangsu	английский	11 492	328
New York University Shanghai	2011	Shanghai	английский	14 925	119–209
Wenzhou–Kean University	2011	Wenzhou, Zhejiang	английский	6 716	746
Duke Kunshan University	2013	Kunshan, Jiangsu	английский	3 641	1194
The Chinese University of Hong Kong, Shenzhen	2014	Shenzhen, Guangdong	английский	14 179	179
Guangdong Technion–Israel Institute of Technology	2016	Shantou, Guangdong	английский	14 197	179
Shenzhen MSU–BIT University	2017	Shenzhen, Guangdong	китайский, английский, русский	5 970	239

* Обменный курс доллара США и китайского юаня USD/CNY = 6.70.

крытость, КНР проявляет настороженность и избирательность при допуске зарубежных вузов на свою территорию. В действующем законодательстве КНР предусмотрена единственно возможная организационно-правовая форма для такого сотрудничества – *партнёрство* между китайскими резидентами и иностранным участником (*sino-foreign cooperative joint venture*). В период с 2000-х годов по настоящее время в рамках подобных партнёрств возникли различные уровни организации транснационального образования:

- *университетский* (независимый правовой статус нового вуза, собственный кампус и администрация);
- *институтский* (филиал иностранного вуза в уже существующем китайском учреждении высшего образования);
- *программный* (совместные программы предоставления образования определённого уровня).

По состоянию на 2018 г. в КНР действовали 9 совместных университетов, 66 филиалов иностранных высших учебных заведений и 894 совместные образовательные программы. Кампусы всех совместных университетов расположены на юго-восточном побережье КНР. Первым российским проектом подобного рода стал университет МГУ–ППИ в Шэньчжэне, учреждённый МГУ им. М.В. Ломоносова, Пекинским политехническим институтом (университетом) и Муници-

пальным народным правительством Шэньчжэня³. В таблице 1 представлена сводная информация о действующих совместных с зарубежными партнёрами китайских университетах.

Российско-китайская академическая мобильность: основные показатели. Согласно данным международных обследований, Российская Федерация занимает 9-е место среди наиболее предпочтительных образовательных дестинаций китайских студентов (табл. 2). Однако в Россию для получения образования прибывает в разы меньше граждан КНР, чем в США (в 15.6 раза), Канаду (в 6 раз), Австралию (в 5 раз) или Великобританию (в 4.3 раза).

В рамках XIX заседания Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству (30 октября 2018 г., Пекин) стороны подписали протокол XVIII заседания Российско-китайской подкомиссии по сотрудничеству в области образования и договорились об увеличении обмена учащимися до 100 тыс. человек к 2020 г., а также о расширении межвузовского сотрудничества. Обозначенный показатель практически достигнут. Как было отмечено в документах недавно прошедшего XX заседания комиссии (16 сентября 2019 г., Санкт-Петербург), в 2018 г. в Китае в об-

³ Более подробная информация доступна на официальном сайте университета МГУ–ППИ в Шэньчжэне: <http://szm-subit.ru>

Таблица 2. Предпочтения китайских студентов в выборе образовательных дестинаций в 2018 г. [11]

Принимающая страна	Численность китайских студентов
США	350734
Канада	132345
Австралия	114008
Великобритания	97850
Япония	75262
ФРГ	32368
Новая Зеландия	31075
Франция	25388
Российская Федерация	22529
Нидерланды	4347
Швеция	2374
Финляндия	2332

щей сложности получали образование 19 тыс. россиян, а граждан КНР, обучающихся в России, насчитывалось более 39 тыс. В целом обмен в рамках академической мобильности граждан двух стран по образовательным программам уже превысил 90 тыс. человек [17].

Сравнение официальной информации о российско-китайских студенческих обменах и статистических данных о взаимных туристических поездках (табл. 3) обнаруживает парадоксальную тенденцию. Среднегодовые темпы роста китайского туристического потока в Россию постепенно замедляются, а темпы роста числа приезжающих на учёбу студентов увеличиваются. Что касается России, то здесь обратная картина: контингент российских студентов в КНР расширяется всё менее активно, в то время как Китай становится с каждым годом всё более популярным туристическим направлением. Совокупные среднегодовые темпы роста (GAGR) количества туристических поездок граждан России в Китай в 2015–2017 гг. составили 16%, а граждан Китая в Россию — 9.7%. Что касается числа студенческих

обменов, то совокупные среднегодовые темпы их роста в 2015/2016–2017/2018 уч. гг. составили 3.8% для российского контингента в КНР и 10.2% для китайского контингента в России.

Привлекательность российской образовательной дестинации для граждан КНР. Существует значительное число академических работ, анализирующих причины, по которым китайские студенты выбирают Россию для получения образования. Среди позитивных характеристик упоминаются: качество российского образования, особенно в технических дисциплинах; географическая привлекательность (близость к северо-восточным районам КНР, красота природы, свежесть воздуха, просторы); доброта россиян [19–21]. Однако решающую роль играет стоимость обучения, которая в целом сравнима для России и Китая, но в несколько раз ниже стоимости образования, например, в Великобритании (табл. 4).

Помимо платного обучения, Россия и Китай, как и ряд других государств, реализуют программы поддержки талантливых студентов. Согласно приоритетному проекту “Развитие экспортного потенциала российской системы образования” в Российской Федерации в период с 2017 по 2025 г. для иностранных студентов предусмотрено ежегодное выделение 15 тыс. государственных стипендий, занятие которых (по конкурсу) предполагает отсутствие платы за обучение, бесплатное проживание (при возможности) и выплату стандартной государственной стипендии. В 2019 г. такая стипендия составляла в среднем 1484 руб. (около 22 долл. США) в месяц.

В КНР аналогичная государственная программа (Government Scholarship for Chinese University Program and Silk Road Program) для некитайских студентов предполагает освобождение от платы за обучение, платы за проживание, полную медицинскую страховку и выплату ежемесячной стипендии. Медицинская страховка (Chinese Government Scholarship Foreign Medical Insurance) составляет около 95 долл. США в год; при пребывании более года дополнительно потребуются обследование в государственном медицин-

Таблица 3. Динамика взаимных туристических поездок граждан России и Китая [18, с. 162, 163]

Показатель	2015	2016	2017
Число туристических поездок граждан России в Китай, тыс.	1284	1676	2003
Всего поездок граждан России за рубеж, тыс.	34390	31659	39629
Доля китайского направления от общего числа поездок граждан России за рубеж, %	3.7	5.3	5.1
Число туристических поездок граждан Китая в Россию, тыс.	1122	1289	1478
Всего поездок иностранных граждан в Россию, тыс.	26852	24571	24390
Доля Китая в общем числе поездок иностранных граждан в Россию, %	4.2	5.2	6.1

Таблица 4. Средняя стоимость обучения в системе высшего образования России, Китая и Великобритании

Виды образовательных услуг	Средняя стоимость, долл. США		
	Россия*	Китай**	Великобритания***
Квалификация, в год			
Бакалавр	3000–3340	2200–3500	12900–17000
Специалист	3340–3670	—	—
Магистр	3670–4000	3000–5000	9500–11000
Кандидат наук (PhD)	4000–4370	2700–8500	12000–13500
Специалитеты, в год			
Естественные науки и технологии	3900–4200	2900–5300	16800–20000
Гуманитарные науки	3000	1700–4100	15000–16500
Право	5200	7000–12 000	15400–17500
Бизнес и менеджмент	3000–8500	3000–5000	13900–15400
Медицина	4170–4500	4000–8200	18000–48000
Дополнительные услуги			
Подготовительное отделение, в год	2000	4200	8000–13000
Тематические летние школы, 4–6 недель	330–830	540–800	2900–4900
Средняя стоимость проживания, в месяц, долл. США			
	30–45	300–500	800–1400
Материальная помощь и социальные выплаты, долл. США			
Пособие на содержание, в неделю	н/д	н/д	н/д
Стипендия****, в месяц	25	476	н/д

Примечание. Учитывались официальные данные о плате за обучение и стоимости сопутствующих услуг для иностранных студентов и аспирантов Минобрнауки России (проект “Study in Russia”) и университетов КНР, вошедших в рейтинг Times Higher Education BRICS Rankings 2018. Данные о плате за обучение в ЕС для иностранных студентов из стран, не являющихся странами ЕС, взяты из независимого рейтинга учреждений высшего образования Великобритании The Complete University Guide. Использованы обменные курсы национальных валют Российской Федерации, КНР и Великобритании к доллару США (USD/RUB), (USD/CNY) и (USD/GBP) по состоянию на март–апрель 2018 г.

* В зависимости от категории учреждения высшего образования и специалитета.

** В зависимости от преподавания на китайском или английском языке и специалитета.

*** Стоимость проживания и обучения в университетах Лондона примерно на 25–40% выше, чем в других частях страны.

**** При выполнении ряда требований.

ском учреждении перед завершением обучения (95 долл. США). Единоразовное пособие на переселение также составляет примерно 100 долл. США.

Механизмы функционирования российской и китайской программ поддержки талантливых студентов в сравнении с иными государствами представляются более простыми и понятными. Например, в Великобритании из-за высокой стоимости обучения и проживания даже для собственных студентов и студентов из Европейского союза действует сложная система займов, грантов, государственных и неправительственных стипендий, а также стипендиальные программы отдельных университетов. Что касается поддержки британской системой образования талантливых иностранных студентов, то для этого также существуют особые стипендиальные про-

граммы⁴, часть из них нацелена исключительно на привлечение граждан КНР⁵.

Согласно проведенному анализу, фактор привлекательной стоимости российских образовательных продуктов обнаруживает себя двой-

⁴ Одной из самых значительных является программа Chevening Scholarships for International Students, которая ежегодно предусматривает 1500 стипендий перспективным иностранцам для получения квалификации “магистр”. Она включает полную стоимость обучения в течение года в выбранном учреждении высшего образования, ежемесячное пособие и оплаченный авиационный билет в оба конца в любую точку земного шара.

⁵ Например, некоммерческая благотворительная организация Great Britain China Center только для аспирантов из КНР предлагает по конкурсу единовременную стипендию Chinese Student Awards в размере 2100–4200 долл. США. Ряд британских университетов предоставляет специальные стипендии для китайских студентов (обычно в размере 50% годовой стоимости программ обучения).

ственным образом. Формально доступная цена обучения повышает конкурентные преимущества российской дестинации на глобальном рынке образовательных услуг. Однако рассмотрение ситуации в более широком контексте показывает, что невысокая стоимость образования в России не является решающей для перспективных абитуриентов.

Китайский экономический рост привёл к тому, что дорогие образовательные программы оказываются доступными всё большему числу молодых граждан КНР. Поэтому «учёба в России — это выбор выпускников со слабым аттестатом и детей из семей с невысоким заработком» [22, с. 42], а также тех, кто не сумел сдать экзамены в высоко-рейтинговый престижный вуз в самом Китае, США или Западной Европе. Опросы также показывают, что китайские студенты, позитивно относящиеся к обучению в России, не считают её подходящим и комфортным местом для проживания после окончания вуза и не связывают своё будущее с работой в нашей стране [20, р. 41].

Таким образом, формальное увеличение численности китайских студентов в университетах России не связано напрямую с повышением привлекательности российской системы образования в глазах китайского общества. Скорее, наоборот. Как представляется, более надёжным свидетельством роста конкурентоспособности российского образования мог бы стать комплексный показатель, указывающий, например, какое число иностранных студентов осталось «двигать науку» или «делать бизнес» в России, сколько иностранных выпускников российских вузов были востребованы как высококвалифицированные специалисты в мире и у себя на родине, получили престижные научные и профессиональные премии и т.д. Однако такой подход потребовал бы качественных изменений в системе статистических наблюдений на всех уровнях, не говоря уже о том, что работа по повышению ценности российского диплома в мире самым непосредственным образом связана с усилиями по совершенствованию отечественной научно-инновационной экосистемы, развитию предпринимательской среды, улучшению уровня и качества жизни — всех тех факторов, от которых зависит привлекательность российской модели развития и, соответственно, глобальная конкурентоспособность России. Как подчёркивается в Концепции внешней политики Российской Федерации, в настоящее время впервые в новейшей истории глобальная конкуренция приобретает цивилизационное измерение, что предполагает конкуренцию между различными ценностными ориентирами и моделями развития [23].

Проблема удержания талантов. В отличие от России, Китай, наряду с Канадой, Германией и

Японией, входит в число стран, которые ставят цель не только увеличить число иностранных студентов, но также удержать их на своих рынках труда. В ряде крупных городов страны (Пекин, Шанхай, Шэньчжэнь) осуществляются комплексы мероприятий регионального уровня по включению иностранных выпускников в программы повышения квалификации кадров и созданию для них дополнительных возможностей трудоустройства (особенно для специалистов в области высоких технологий и электронной торговли).

В течение последнего десятилетия КНР реализует Программу «Тысяча талантов», призванную способствовать возвращению в страну китайских учёных, добившихся исключительных результатов за рубежом, поддержке национальных талантов и привлечению лучших иностранных специалистов. Программа включает три направления:

- 1000 талантливых инноваторов (Innovative 1000 Talents plan) — долгосрочные и краткосрочные программы поддержки китайских учёных в возрасте до 55 лет;
- 1000 иностранных талантов (Foreign 1000 Talents plan) — долгосрочные и краткосрочные программы для привлечения иностранных учёных в возрасте до 55 лет;
- 1000 талантов — молодых учёных (Young scholar 1000 Talents plan) — программы поддержки учёных моложе 40 лет.

Аналитики отмечают: «Китай заинтересован в выкачивании мозгов со всего мира, имеет на это средства и готов создавать талантам привлекательные условия» [24]. Тем не менее результаты программы на текущий момент оцениваются как двойственные: Китай научился привлекать в страну лучших учёных с мировым именем, но не достиг желаемых показателей в удержании как иностранцев, так и соотечественников, прошедших обучение и сделавших карьеру за рубежом. Так, вернувшиеся специалисты получали всё необходимое, чтобы без проблем передать знания и опыт, обретенные в других странах, но их собственное профессиональное развитие на родине было сопряжено с рядом трудностей [25]. Комплексный анализ проблем КНР в этой сфере может быть полезен для нашей страны с точки зрения дальнейшего совершенствования получившей высокую оценку в мире Программы по привлечению ведущих учёных в российские вузы и научные организации с использованием механизма мегагрантов [26].

Образование как инструмент влияния. Как было отмечено выше, феномен академической мобильности невозможно рассматривать в отрыве от вопросов внешнеполитического влияния, от активно развивающейся сферы «дипломатии знаний». Исследователи отмечают дуализм международного сотрудничества в сфере высшего об-

разования. Образно говоря, академические связи, как и гуманитарное взаимодействие в целом, — это “технологии двойного назначения”, поскольку наряду с углублением взаимопонимания, развитием дружбы и сотрудничества между народами речь всегда идёт о целенаправленном культурном влиянии, воздействии с целью формирования позитивного отношения граждан одной страны к образу жизни, народу и политике другой страны [27–29].

Что касается Китая, то все реализуемые этой страной направления деятельности и программы в сфере гуманитарного сотрудничества отличаются внутренним единством и тесной взаимосвязанностью, поскольку являются набором инструментов для решения стратегических задач, связанных с повышением статуса и авторитета КНР на международной арене. Среди этих инструментов — культурная дипломатия, основанная на китайско-иностранным сотрудничестве в области высшего образования (глобальная сеть Институтов Конфуция), программы международной помощи в области развития высшего образования, программы привлечения иностранных студентов в китайские вузы [30].

Схожую стратегию “дипломатии знаний” проводят многие государства, включая Российскую Федерацию. Однако существует тонкая грань между взаимовыгодным сотрудничеством и “продавливанием” собственных интересов. С этой точки зрения необходимо внимательно анализировать институциональное и содержательное развитие российско-китайских отношений в гуманитарном измерении для определения пределов допустимого использования образовательных контактов как инструмента “мягкой силы” и безусловного исключения любых возможностей превращения образовательного сотрудничества в канал для проведения политики “острой силы”. Термин “острая сила” вошёл в политический дискурс не так давно и используется для фиксации формы внешнеполитической деятельности, связанной с жёстким манипулированием общественным мнением в странах — объектах влияния⁶. Если “мягкая сила” — это “завоевание сердец и умов”, то “острая” — пропаганда и манипулирование [31].

С учётом сказанного представляется неоднозначной оценка результатов китайского проекта глобальной сети Институтов Конфуция на территории России. Институты и классы Конфуция — сеть культурно-образовательных центров, которые с 2004 г. на базе вузов разных стран создаёт Государственная канцелярия по распростране-

нию китайского языка за рубежом Министерства образования КНР (Ханьбань). Этот проект рассматривается КНР в качестве важнейшей составляющей продвижения своей культурной и образовательной политики за рубежи страны, инструмент пропаганды китайских национальных ценностей и создания позитивного имиджа Китая. В 2018 г. в 154 странах мира действовали 548 институтов и 1193 класса Конфуция, в которых обучались почти 1.9 млн человек. В Российской Федерации, по разным данным, действует около 20 институтов (первый был создан в 2007 г.) и 5 школ Конфуция [32]. Необходимо также отметить, что в 2017 г. Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки апробировала модель государственной итоговой аттестации по программам основного общего и среднего общего образования по китайскому языку, а с 2019 г. китайский язык включён в российский ЕГЭ.

Формально речь идёт о зеркальных процессах, связанных с созданием инфраструктуры российско-китайского гуманитарного сотрудничества (общества дружбы, культурные центры, фонды). Ещё в 2005 г. было подписано межправительственное соглашение об изучении русского языка в КНР и китайского языка в Российской Федерации [33], а вопросы о взаимной поддержке Институтов Конфуция в России и Центров русского языка в Китае постоянно обсуждаются на заседаниях действующей с 2007 г. Российско-китайской межправительственной комиссии по гуманитарному сотрудничеству. Однако пробелы в правовом регулировании, недостаток содержательного контроля деятельности Институтов Конфуция на территории России содержат риски превращения этих структур в инструмент проведения интересов КНР. Отметим, в частности, что для открытия Института Конфуция в стенах российского вуза требуется договор с китайским партнёром, который после тщательной оценки перспектив утверждается вышеупомянутым агентством Ханьбань и не требует утверждения российскими официальными структурами. Финансирование Институтов Конфуция осуществляется напрямую из КНР [32].

В мире деятельность Институтов Конфуция подвергается жёсткой критике, а некоторые правительства начали их закрывать. Основные причины: низкий уровень преподавания китайского языка, несоответствие образовательным стандартам, внедрение идеологических представлений о роли Китая в мире, стремление создать альтернативное китаеведение, формирование прокитайского лобби. За счёт деятельности Институтов Конфуция китайская сторона формирует на базе иностранных вузов лояльных её политике сотрудников, а также самостоятельно отбирает перспективных студентов, которым напрямую выделяет стипендии. Тем самым, с институциональной

⁶ Термин впервые использован в 2017 г. в докладе американского Национального фонда демократии (National Endowment for Democracy) под названием “Sharp Power: Rising Authoritarian Influence”.

точки зрения, создаётся альтернативный, неконтролируемый инструмент влияния на граждан другой страны. В качестве характерной иллюстрации можно привести тот факт, что в настоящий момент Институты Конфуция — единственное место в России, где можно сдать квалификационный экзамен по китайскому языку, причём персональные данные экзаменуемых в обязательном порядке отправляются в КНР.

Поскольку проект Институтов Конфуция — часть дипломатических договорённостей и элемент инфраструктуры российско-китайского гуманитарного сотрудничества, он будет развиваться и впредь. Однако очевидно, что этот процесс необходимо должным образом регулировать, исходя из интересов российской стороны. В частности, целесообразно предложить КНР дальнейшее развитие в России сети Институтов Конфуция направлять через специально созданный для этой цели Совет программы, в который следует включить представителей министерств образования обеих стран, а также представителей ведущих университетов, специалистов по Китаю, методистов в области китайского языка. Деятельность Институтов Конфуция на территории Российской Федерации должна осуществляться строго в рамках национального российского законодательства (по аналогии с тем, как на базе национального китайского законодательства действует университет МГУ—ППИ в Шэньчжэне). Очевидно, что необходимо контролировать и финансирование, поступающее от китайской стороны российским резидентам, с учётом норм действующего законодательства, включая возможность распространения положений Федерального закона от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента”.

Конкурентное партнёрство. Анализ показывает, что российско-китайское сотрудничество по разным направлениям, включая развитие взаимной академической мобильности, отличается не только сложностью, но и некоторой двойственностью, поскольку за скобками единодушия в оценках важности стратегического партнёрства России и Китая, укрепления дружбы и добрососедства остаются проблемы, связанные с несовпадающими (а порой и противоречащими интересам другой стороны) представлениями о целях и методах реализации принятых решений. Поэтому эксперты часто говорят о том, что связи России и Китая характеризуются “горячими” отношениями между правительствами, но “холодными” — между народами [34, 35].

Представляется, что концептуальной основой для разработки комплексных стратегий деятель-

ности российской стороны по развитию двустороннего сотрудничества с КНР в целом и образовательных связей в частности может стать модель *конкурентного партнёрства* (*competitive partnership*), которая непротиворечиво описывает дуализм взаимодействия России и Китая.

Термином “конкурентное партнёрство” активно оперирует современная экономическая наука, анализирующая процессы эволюции конкурентного принципа в условиях “глубоко взаимосвязанного мира”. Как известно, конкуренция сама по себе — это системное, многоуровневое и динамическое явление, универсальная теория которого претендует на роль самостоятельной отрасли научного знания [36–38]. На макроуровне конкурентный принцип формирует отношения, определяющие параметры всей системы рыночной экономики, на мезоуровне задаёт механизмы взаимодействия агентов рынка, а на микроуровне определяет способы реализации экономических целей конкурентов. Эффекты глобализации и цифровой революции глубоко меняют не только характеристики производительных сил, конкурирующих субъектов и условия их соперничества, но также модифицируют сам конкурентный принцип [39–41]. В результате борьба и противостояние сменяются тенденцией развития конкурентного партнёрства, основанного на солидарности сотрудничества конкурирующих экономических субъектов. В рамках такой коммуникации конкуренция объединяется с взаимопомощью и сотрудничеством сторон.

Рассмотрение многообразных аспектов сложного комплекса взаимодействий России и Китая в самых разных сферах показывает, что именно концепция конкурентного партнёрства наиболее полно определяет не только принципы, но и стратегию современных российско-китайских отношений.

Необходимо отметить, что схожий концептуальный подход, но для несколько иных целей (для разработки возможных мер по восстановлению стратегического доверия между США и Китаем, разрушенного торговой войной) был предложен китайской стороной осенью 2018 г. на конференции Института мировой экономики Петерсена [42]. Примерно в той же парадигме рассуждают о модели выстраивания отношений с КНР и лидеры Европейского союза. Например, председатель Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер отмечал, что Китай и Европа являются и стратегическими партнёрами, и соперниками, но “конкуренция между нами — это хорошая вещь” [43].

Использование идей конкурентного партнёрства для более глубокого понимания движущих механизмов и концептуализации всего многообразия контактов России и Китая даёт возможность объективно оценивать сильные и слабые

стороны позиций наших стран как в двусторонних проектах, так и в более широком контексте взаимодействия на мировой арене. Наличие в российско-китайских отношениях элементов кооперации, сотрудничества, интеграции не исключает реализации индивидуальных стратегий, нацеленных на выигрыш в конкурентной борьбе.

Отдельные элементы предлагаемого подхода можно обнаружить в различных официальных документах Российской Федерации, отражающих видение перспектив развития российско-китайских отношений. Так, в паспорте приоритетного проекта “Развитие экспортного потенциала российской системы образования” в качестве одного из рисков реализации указана высокая степень конкуренции не только с западными, но и с китайскими образовательными институтами. Предупреждать этот риск должны такие мероприятия, как:

1. Диверсификация региональных и страновых направлений экспорта российского образования с комплексным учётом демографических, социально-экономических, историко-культурных и геополитических факторов, а также рынков труда и российской экономики и политики.

2. Формирование новых предложений и форм образовательных услуг, конкурентоспособных и востребованных на рынке образования.

3. Стимулирование инициатив и конкурентных проектов российских университетов по рекрутингу иностранных студентов [15].

Но документ не даёт ответа на вопрос о желательной целевой модели действий. Должна ли Россия избегать конкуренции с Китаем, сосредотачиваясь на тех направлениях экспорта российского образования, которые по каким-то причинам ещё не освоены КНР? Или необходимо прямо конкурировать с китайскими образовательными учреждениями и программами? А может, важнее объединить усилия с КНР, чтобы потеснить других участников в борьбе за долю на глобальном рынке образовательных услуг? Очевидно, что всё это — разные задачи, которые требуют разных стратегии и тактики действий.

К *позитивным эффектам* использования Россией концепции конкурентного партнёрства при разработке стратегии и тактики развития отношений с Китаем в сфере высшего образования следует отнести прежде всего рост взаимного доверия, что само по себе является ценным ресурсом на всех уровнях отношений двух стран. В сфере экономики образования реализация концепции конкурентного партнёрства открывает возможности для получения эффекта масштаба, увеличения стоимости образовательных продуктов и общей эффективности национальных рынков образования за счёт стимулирования приобретения дополнительных продуктов и услуг. Ещё одно

следствие — рост эффективности бюджетных расходов, поскольку для российской стороны снижается размер вложений, необходимых для создания новых, устойчиво функционирующих рынков образовательных продуктов и услуг и поддержки их провайдеров. Кроме того, создание конкурентных партнёрств между участниками глобального рынка стимулирует процессы интернационализации систем высшего образования и повышает их конкурентный потенциал.

Каковы *необходимые и достаточные условия* для получения выгоды от партнёрства? Конкурирующее партнёрство эффективно функционирует, когда участники признают, что разделяют ценности друг друга и едины в понимании стратегических целей, но не намерены ограничивать индивидуальные успехи в конкурентной сфере. Партнёрство выгодно участникам, если в одиночку они не способны конкурировать с лидерами рынка. Осознание сторонами своей *взаимозависимости* выступает одним из главных условий долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества. Необходимы также специальные процедуры для сохранения доверия (при неизбежных конфликтах) и профилактики вырождения партнёрских отношений. Партнёрство конкурентов предполагает, что стороны ценят возможность учиться друг у друга, готовы внести содержательный вклад в сотрудничество, но при этом соблюдают принцип взаимности и способны контролировать (и ограничивать) доступ к тем продуктам и технологиям, передача которых может нанести ущерб конкурентному потенциалу страны-донора.

В намеченных координатах целевая модель партнёрства России и Китая в сфере высшего образования не может ограничиваться показателями объёма академических обменов и должна учитывать образовательные продукты, меры регулирования, институциональные возможности. Стратегии развития российско-китайского сотрудничества в сфере высшего образования должны выстраиваться таким образом, чтобы усиливать потенциал Российской Федерации и КНР в конкуренции с другими участниками глобального рынка образовательных услуг, но при этом исключать любые возможности нарушения национальных интересов друг друга (“перекачка умов”, кража технологий, промышленный шпионаж и пр.).

Как представляется, уникальную возможность для углублённого исследования особенностей практической реализации принципов конкурентного партнёрства двух стран в сфере высшего образования предоставляет история создания и функционирования российско-китайского Университета МГУ–ППИ в Шэньчжэне [44]. Приведённый текст “эффективной платформой по обмену опытом и выбору инновационных путей

развития образовательных процессов”, а также поставщиком высококвалифицированных кадров “для реализации совместных программ сотрудничества по широкому кругу направлений” [45] университет действует на территории динамично развивающейся зоны высоких технологий (4-е место в КНР по объёму ВВП), где китайская сторона формирует мощный образовательный кластер из университетов мирового уровня. В частности, здесь создаются совместные вузы на базе университетов Беркли (США), Рочестера (США), Мельбурна и Квинсленда (Австралия), Копенгагена (Дания) и высших учебных заведений других стран. Совместным университетам предстоит работать в условиях жёсткой конкуренции. Фактически образовательный кластер Шэньчжэня — мини-модель глобального рынка, в рамках которой российские образовательные программы напрямую вступают в конкуренцию с западными. В такой ситуации успех и репутация российской модели образования будут зависеть не только от её содержания и качества, но также от правильно выстроенных отношений с китайской стороной.

* * *

Впервые проведённое комплексное исследование особенностей российско-китайского образовательного сотрудничества и академической мобильности показывает, что речь идёт о сложном, динамично изменяющемся феномене, влияние которого выходит далеко за рамки собственно двусторонних отношений в сфере высшего образования и науки. Анализ значительного массива документов, статистических и эмпирических данных приводит к выводу, что такие факторы, как недостаток объёмного видения происходящего, неудачная декомпозиция стратегических целей в конкретные задачи, увлечённость процессными и проектными подходами в управлении, не позволяют оперативно выявлять потенциальные риски и неблагоприятные для России тенденции в рассматриваемой сфере. Сложившаяся на текущий момент целевая модель развития российско-китайской академической мобильности, основанная на количественных показателях, не учитывает содержательной специфики процесса и недостаточно гармонизирована с решением других, не менее важных задач, связанных с реализацией интересов Российской Федерации на международной арене и достижением целей национального развития нашей страны.

Отсутствие системных научных представлений о трансдисциплинарном по своей сути феномене образовательной миграции привело к тому, что на практике управление соответствующими процессами в сфере развития международного сотрудничества в области высшего образования,

экспорта образовательных услуг, стимулирования академической мобильности распределяется и растворяется в различных направлениях государственной политики — внешней, миграционной, образовательной, научно-инновационной, трудовой и др., несмотря на то, что в официальных документах декларируется важность комплексного подхода⁷.

Мы предлагаем рассматривать феномен российско-китайского образовательного сотрудничества как *конкурентное партнёрство* и постарались аргументированно продемонстрировать в настоящей статье, что концепция конкурентного партнёрства может быть эффективна в качестве не только объясняющей модели, но также практической философии и общего принципа отношений двух стран. Подобный концептуальный подход имеет значение не только для научной теории, но и для практики государственного управления: его использование создаёт основу для совершенствования целевых моделей и стратегий Российской Федерации в развитии гуманитарного измерения российско-китайских отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Global Migration Indicators — 2018. Insights from the Global Migration Data Portal: www.migrationdataportal.org. Berlin: GMDAC, IOM, 2018.
2. Рязанцев С.В. Китайская миграция в Россию: тенденции и подходы к регулированию // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 4. С. 86—89.
3. Лян С. Китайско-российское сотрудничество в сфере высшего образования в контексте инициативы “Один пояс — один путь” // ЭКО. 2019. № 3. С. 181—190.
4. Dong J. Chinese elite migrants and formation of new communities in a changing society: An online-offline ethnography // Ethnography. 2017. V. 1. Is. 2. P. 221—239.
5. Jin X., Liu H., Liu L. Family education support to rural migrant children in China: evidence from Shenzhen // Eurasian Geography and Economics. 2017. V. 58. № 2. P. 169—200.
6. Gérard M. Students’ mobility at a glance: efficiency and fairness when brain drain and brain gain are at stake // Journal of International Mobility. 2017. V. 5. № 1. P. 43—74.
7. Teichler U. Internationalisation Trends in Higher Education and the Changing Role of International Student

⁷ Так, в паспорте приоритетного проекта “Развитие экспортного потенциала российской системы образования” указывается, что миграционная политика государства оказывает существенное влияние на выбор страны обучения, как и совершенствование законодательства с целью усиления прозрачности административных процедур для иностранных абитуриентов [15, с. 7—8].

- Mobility // Journal of international Mobility. 2017. V. 5. № 1. P. 177–216.
8. *Слука Н.А., Коробков А.В., Иванов П.Н.* Китайская диаспора в странах ЕС // Балтийский регион. 2018. № 3. С. 85–90.
 9. *Wang H., Miao L.* China's Domestic and International Migration Development. Singapore: Springer Nature, 2019.
 10. *Дуранзик А., Пищерская Е.Н.* Сближение стран и культур через глобальное сотрудничество в образовании // Российско-китайские исследования. 2018. № 3–4. С. 176–184.
 11. Global Mobility Trends. Project Atlas 2018. <https://www.iie.org/Research-and-Insights/Project-Atlas/Explore-Data> (дата обращения 25.06.2019).
 12. Education at a Glance 2017. OECD Indicators. Paris: OECD Publishing, 2017.
 13. Up and down the table: Growth trends across major international study destinations // ICEF Monitor. 3 Aug. 2018. <http://monitor.icef.com/2018/08/up-and-down-the-table-growth-trends-across-major-international-study-destinations/> (дата обращения 26.05.2019).
 14. A World on the Move. Trends in Global Student Mobility. Is. 2. N.Y.: Institute of International Education, 2018.
 15. Паспорт приоритетного проекта “Развитие экспортного потенциала российской системы образования”. Утверждён Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 30 мая 2017 г. № 6. <http://static.government.ru/media/files/DkOXer-fvAnLv0vFKJ59ZeqTC7ycla5HV.pdf> (дата обращения 25.06.2019).
 16. *Любская К.А.* Становление экономики образования как науки в Китае // Научное обозрение. Экономические науки. 2016. № 4. С. 47–50.
 17. 20-е заседание Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству // Новости сибирской науки. 2019. 17 сентября. <http://www.sibscience.info/ru/news/marina-16092019> (дата обращения 17.09.2019).
 18. Россия в цифрах. 2018: Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2018.
 19. *Ворожбит О.Ю., Юрченко Н.А.* Исследование спроса на российские образовательные услуги среди китайских школьников // Современные исследования социальных проблем (Электронный научный журнал). 2012. № 5 (13). <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sprosa-na-rossiyskie-obrazovatelnye-uslugi-sredi-kitayskih-shkolnikov> (дата обращения 26.05.2019).
 20. *Kosheleva E.Y., Samofalova E.I., Holtman C., Kopotilova Y.E.* Chinese Students in Russia: Causes of Migration and Basic Educational Behavioral Tenets // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. № 215. P. 38–42.
 21. *Sablina S., Soong H., Pechurina A.* Exploring expectations, experiences and long-term plans of Chinese international students studying in the joint Sino-Russian degree // Higher Education. 2018. V. 76. № 6. P. 973–988.
 22. Интернационализация российских вузов: китайский вектор / Под ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013.
 23. Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 “Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации” // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6886.
 24. *Балдакова О., Зуенко И.* Карать и выкачивать. Как Китай использует свою визовую политику // Московский центр Карнеги. 08 февраля 2019 г. <https://carnegie.ru/commentary/78318> (дата обращения 26.05.2019).
 25. *Li M., Yang R., Wu J.* Translating transnational capital into professional development: a study of China's Thousand Youth Talents Scheme scholars // Asia Pacific Education Review. 2018. V. 19. № 2 (Special Issue). P. 229–239.
 26. Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. № 220 (ред. от 08.05.2019) “О мерах по привлечению ведущих учёных в российские образовательные организации высшего образования, научные учреждения и государственные научные центры Российской Федерации” // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 16. Ст. 1907.
 27. *Knight J.* Moving from Soft Power to Knowledge Diplomacy // International higher education. 2015. № 8. P. 8–9.
 28. *Торкунов А.В.* Образование как инструмент “мягкой силы” во внешней политике России // Вестник МГИМО (У). 2012. № 4. С. 86–89.
 29. *Антюхова Е.А.* Образование как “мягкая сила” в современных зарубежных и российских политологических исследованиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. № 4. С. 197–209.
 30. *Wu H.* Three dimensions of China's “outward-oriented” higher education internationalization // Higher Education. 2019. V. 77. № 1. P. 81–96.
 31. *Nye J.S.* How Sharp Power Threatens Soft Power // Foreign Affairs. 24 January, 2018. <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (дата обращения 26.05.2019).
 32. *Самойлова М.П., Лобанова Е.А.* Правовое регулирование деятельности институтов Конфуция в России // Juvenis scientia. 2017. № 6. С. 29–31.
 33. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации от 3 ноября 2005 г. // Бюллетень международных договоров. 2006. № 3. С. 67–69.
 34. *Магдалинская Ю.* Фундамент сотрудничества: За последние десять лет в сфере гуманитарного взаимодействия России и Китая произошёл серьёзный качественный скачок // Российская газета — Спецвыпуск № 247 (7710). 2018. 11 ноября. <https://rg.ru/2018/11/01/v-gumanitarnom-vzaimodelstvii-rf-i-chnr-proizoshel-kachestvennyj-skachok.html> (дата обращения 26.05.2019).

35. Чжао Хуашэн. Россия – Китай: почему “горячо” в политике и “холодно” в экономике? 2018. 4 ноября. <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-kitay-goryacho-kholodno/> (дата обращения 26.05.2019).
36. Портер М. Конкурентное преимущество. Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. М.: Альпина Пабlishер, 2016.
37. Коваленко А.И. О конкуренции теорий конкуренции // Современная конкуренция. 2010. № 6 (24). С. 107–116.
38. Хайек Ф. Смысл конкуренции // Современная конкуренция. 2009. № 3 (15). С. 18–28.
39. Рязанов А.А. Эволюция теории конкуренции // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2017. № 2 (21). С. 21–31.
40. Бранденбургер А.М., Нейлбафф Б.Дж. Конкурентное сотрудничество в бизнесе. М.: Кейс, 2012.
41. Тарануха Ю.В. Модификация конкурентного принципа в процессе эволюции конкуренции // Общество и экономика. 2017. № 3–4. С. 49–67.
42. Yao Z. Building Competitive Partnership between China and the United States // 7th Annual International Conference on Sino-US Economic and Trade Relations in the Global Economy. Washington, DC. September 17, 2018. <https://piie.com/system/files/documents/yao20180917remarks.pdf> (дата обращения 26.05.2019).
43. Willsher K. Macron meets Xi Jinping to strengthen EU–China relationship // The Guardian. 2019. March 26. <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/26/emmanuel-macron-meets-chinese-leader-in-attempt-to-strengthen-ties> (дата обращения 26.05.2019).
44. Шахрай С.М. МГУ в Китае. Проблемы сопряжения высшего образования РФ и КНР: Доклад председателя Совета директоров С.М. Шахрая на пленарной сессии международной конференции “Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху”. 3 мая 2018 г. <http://szmsubit.ru/doklad-predsedatelya-soveta-direktorov-s-m-shahraja-na-mezhdunarodnoj-konferencii-rossija-i-kitai/> (дата обращения 26.05.2019).
45. Протокол XV Заседания Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству (14 сентября 2014 г., Ульяновск). <https://docplayer.ru/35794944-Protokol-pyatnadcatogo-zasedaniya-rossiysko-kitayskoy-komissii-po-gumanitarnomu-sotrudnichestvu.html> (дата обращения 26.05.2019).